

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

**ОТКРЫВАЯ НОВЫЕ ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА
ИММАНУИЛА КАНТА**

**А.А. Сергунин. Теория международных отношений
Иммануила Канта. – Нижний Новгород: Нижегородский
государственный лингвистический
университет, 2012. – 160 с.**

В.Н. КОНЫШЕВ

Научное наследие Иммануила Канта всегда находилось в центре внимания отечественной философии (и обществоведения в целом) и, казалось бы, все уже было сказано о его достижениях, однако в последнее время наблюдается всплеск интереса к творчеству последнего энциклопедиста Земли. Увлечение критикой Канта времен советской эпохи сменилось модой на неокантианство и открытием новых граней творчества великого немецкого философа. На Западе интерес к Канту также не ослабевал, и влияние его идей можно найти во многих современных теориях международных отношений (ТМО) различной направленности: неореализме, неолиберализме, глобализме, социальном конструктивизме. Хотя эти теории спорят между собой по многим позициям, их, тем не менее, объединяет общее: дискуссии часто идут вокруг идей, выдвинутых Кантом более двух веков назад. Уже сам этот факт говорит о том, что его учение требует дальнейшего исследования.

Монография А. Сергунина посвящена темам, которые до сих пор или вообще не попадали в фокус специального исследования или затрагивались лишь отчасти: теория международных отношений Канта и ее влияние на развитие современной теории мировой политики. Традиционно исследователи научного наследия Канта обращались к вопросам философии, морали и права. Из проблематики ТМО отечественные ученые уделяли внимание лишь учению Канта о войне и мире¹, причем советская историография сосредоточивалась на критике идеалистической составляющей его учения, а ТМО и вовсе считалась «буржуазной наукой».

Начиная с «перестроечных» времен и до 2000-х гг. последовал длительный «провал» в изучении отечественными обществоведами творческого наследия Канта в области ТМО. Лишь относительно недавно наметился некоторый рост интереса российских ученых к трудам Канта по международной тематике. В частности появились работы, в которых изучалось влияние его идей на современные теории европейской интеграции и глобального мироустройства². Однако до монографии А. Сергунина так

и не было создано работы, в которой бы давалась цельная реконструкция международно-политической теории великого немецкого философа и прослеживалось бы многомерное влияние идей Канта на становление и развитие ТМО (включая ее современные парадигмы). Между тем для российской ТМО, еще находящейся в процессе становления, весьма актуально оценить реальный вклад Канта в международно-политическую теорию, который остался недооцененным не только в отечественной, но и в западной историографии, как справедливо отмечает автор (С. 3 – 10).

Как убедительно доказывает А. Сергунин, взгляды Канта на природу международных отношений гораздо более глубоки и лишены той односторонности, которой нередко страдают и последователи, и критики его идей, работающие в рамках различных парадигм международно-политических исследований (реализм, либерализм, глобализм, постпозитивизм). Другое дело, что идеи Канта о международном сотрудничестве оказали мощное влияние на становление либеральной политической мысли (и отчасти глобализма). Но это вовсе не означает, что учение Канта имеет отношение только к либеральной традиции. Эту мысль автор монографии последовательно проводит, анализируя взгляды Канта на ключевые вопросы международных отношений.

В частности, А. Сергунин справедливо отмечает, что в отечественной и зарубежной историографии превалирует довольно однобокое толкование учения Канта о роли конфликта и его крайнего проявления – войны – в международных отношениях. Если для реалистической парадигмы конфликт неизбежен (по разным причинам) и оставляет мало места для сотрудничества, то либеральная традиция пытается решить проблему войны путем утверждения моральных принципов и норм международного права в мировой политике³.

Позиция Канта, как показывает А. Сергунин, отличается от обеих указанных парадигм. Для Канта война есть неизбежное явление в мировой политике, но при этом вовсе не застывшая навеки форма отношений, которая оставляет мало места для развития отношений сотрудничества. Таким образом, Кант не противопоставлял сотрудничество и конфликт в отношениях между государствами по принципу «либо – либо», как это делали представители практически всех парадигм ТМО в XX в., по сути разрывая проблему войны и мира на две достаточно автономные части, а усматривал неразрывную связь между ними (С. 15 – 17).

Кант указывал на основаниях к межгосударственному сотрудничеству в будущем, которые постепенно вызревают из эволюции войн, несущих с собой все нарастающие издержки как для воюющих, так и для невоюющих сторон. Кант видел в истории человечества объективное развитие от хаоса к вечному миру по принципу «согласие через разногласие», который обнаруживается в развитии природы в целом. Именно отсюда Кант делает вывод, что дальняя перспектива межгосударственных отношений неизбежно связана с нарастанием сотрудничества, понимаемого как переход от состояния свободы от закона к свободе, ограниченной законом. У Канта за сотрудничеством стоит идея разумности существования человечества, воплощаемая в морально-этические и правовые нормы.

А. Сергунин обращает внимание читателя на вклад Канта в разработку понятия международной безопасности (С. 101 – 116), хотя немецкий философ и не использовал этого термина. Этот аспект учения Канта до недавних пор ускользал от внимания исследователей-международников⁴. Автор отмечает, что до середины XX в. в теории международных отношений превалировало негативное определение безопасности (отсутствие угрозы). В то же время Кант оперировал не только негативным, но и позитивным определением безопасности, которое говорит о благоприятных условиях развития членов общества.

К позитивному пониманию безопасности представитель глобалистской парадигмы ТМО Й. Гальтунг (теория «позитивного мира») приходит лишь в 1960 – 1970 гг.⁵ Точно так же у Канта можно обнаружить идеи о многомерности понятия безопасности (финансово-экономическая, политико-правовая, гуманитарная), о которой вспомнили в 1980-е гг. Канту принадлежат ключевые идеи коллективной безопасности государств, породившей позже концепции «демократического мира», «концерта держав», «кооперационной безопасности» и «всеобщей безопасности»⁶. Он не исключал военного вмешательства другого государства во внутренний конфликт. Правда, в отличие от адептов «гуманитарной интервенции», столь популярной среди современных неоллибералов, Кант считал недопустимым вмешательство до достижения внутреннего согласия или полного разделения государства на независимые части.

А. Сергунин во многом прав, говоря о том, что вклад Канта в развитие отдельных концепций, вошедших затем в ТМО, в общем-то, недооценен. Во многих современных учениях можно увидеть «хорошо забытого» Канта. К ним можно отнести идеи о взаимозависимости государств, о плюрализме акторов мировой политики (государства, народы, наемники, международные организации, «граждане мира»), о несводимости силы государства к военной составляющей, о необходимости развития правовых норм, регулирующих военное насилие, о силовом принуждении к исполнению правовых норм. Примечательно, что представители современных ТМО, подхватившие эти идеи, порой даже не ссылаются на Канта.

Канту принадлежит идея о превалировании в межгосударственных отношениях права, а не принципа «баланса сил»; к этой идее уже неоднократно возвращалась политическая мысль XX, а теперь и XXI в. Канту удалось впервые сформулировать основные принципы международного права, которые были закреплены в договорной форме двумя веками позже – лишь в Уставе ООН. Он впервые сформулировал идею о необходимости включения в число субъектов международного права – помимо государств – еще и организаций и физических лиц.

Возвращаясь к тезису о научном богатстве и глубине мыслей Канта, следует отметить как весьма показательные его рассуждения о связи морали и политики. Если у современных последователей реализма мораль в политике сводится к защите национального интереса, что, по сути дела, выхолащивает само содержание морали, то у либералов можно видеть другую крайность – политикам предписывается жестко следовать моральным нормам. Между тем, Кант писал о двойственной природе

человека, имеющего потенциал и к моральному, и к аморальному поведению. На уровне политики это порождает противоречие – феномен «морализирующего политика», занятого оправданием политического курса государства вне зависимости от его соответствия моральным принципам. Таким образом, постановка вопроса у Канта состоит не в упрощенном выхолащивании (реализм) или навязывании (либерализм) морали, а в поисках способов разрешения противоречий, возникающих между моралью и политикой на практике. Важнейшим средством он считал публичность политики, которая спустя многие годы получила название «публичной политики», «публичной дипломатии» (столь популярной ныне в США)⁷, а также «гласности» («перестройка» Горбачева).

Представляется важным стремление А. Сергунина критически переосмыслить наследие великого немецкого философа, показав, что ряд проблем, не нашедших окончательного разрешения, актуален в современных мировой политике и ТМО. В частности, это касается рассуждений Канта о формах государственного правления (республика, деспотия) и формах господства (монархия, аристократия, демократия). Хотя Кант и предсказал, что тоталитарное господство может маскироваться демократическими формами правления, его обращение к монархии как идеальному устройству для воплощения принципов республиканизма не находит (да и тогда не находило) ни логического, ни исторического подтверждения. Достижение вечного мира становится еще менее вероятным, если представить себе ситуацию, в которой мир будут заключать разные по типу господства государства. Если аристократические и демократические государства склонны к деспотии, то как они договорятся с монархиями, которые Кант считал подлинно республиканскими? Да и как вообще может быть преодолено разнообразие политических режимов, систем, культур, традиций различных государств? Кант не дает ответа на этот вопрос, оставив его на будущее. А вот современная либерально-демократическая идеология, стартовав от идей Канта, предложила ответ, в своей наивной простоте прямо противоречащий его учению – путем насильственного навязывания народам либеральных режимов. Между тем Кант апеллировал к силе примера, а не оружия.

Не до конца разработанными остались идеи Канта о том, каким должен стать союз государств, который он называет различными терминами (федерация, союз народов, союз государств, постоянный конгресс государств и т.д.). В принципе он допускал и полицентричную, и моноцентричную модель объединения, которые на практике и продемонстрировала дальнейшая история международных отношений. В то же время Кант четко указал на главную проблему образования подобного союза – проблему ограничения суверенитета государств. Но как устанавливать пределы такого ограничения? И здесь прямого ответа у Канта нет, поскольку он критически оценивал возможность скорого и разумного ограничения суверенитета государств. Этот вопрос опять-таки чрезвычайно актуален в свете современных дискуссий о механизмах международной интеграции и глобального управления, которые получили особую остроту на рубеже XXI в. Ни одна парадигма современной ТМО пока не дала достаточно убедительного ответа.

Возвращение к наследию Канта помогает критически переосмыслить острейшие проблемы современности, по-новому взглянуть на устоявшиеся положения политической науки, увидеть ложность некоторых общепринятых или навязанных стереотипов.

Работа А. Сергунина не лишена некоторых недостатков и спорных моментов. Как это бывает, порой исследователь слишком увлекается величиной личности того или иного мыслителя прошлого (в данном случае Канта) и начинает его идеями «измерять историю». Рассуждая о том, что многие идеи Канта о будущем мироустройстве нашли свое воплощение в политической практике, автор делает «замечание» в адрес Истории: «...не все требования Канта к оптимальной модели международной безопасности выполнялись» (С. 109). Несколько натянутыми представляются рассуждения А. Сергунина о том, что Кант противопоставляет концепции «баланса сил» и «баланса интересов» друг другу. Это верно в отношении современных неолибералов и неореалистов, но не следует так прямо переносить современный спор о ТМО в далекое прошлое.

Как известно, для Канта важнейшей категорией являлось должествование, воплощенное в «политических максимах» и сводившееся к правовому долгу, направленному на достижение благополучия для всех государств. В этом плане было бы важным посвятить теме соотношения политики и морали в учении Канта гораздо больше внимания, чем это делает в своей книге А. Сергунин. Это тем более важно, что современные неолибералы постоянно прибегают к морализаторству со ссылкой на Канта. Например, идею Канта о примате универсальных прав над всеми остальными, даже естественными правами (право на жизнь) неолибералы пытаются использовать для своего тезиса о праве на насилие над народами, живущими не по законам либеральной демократии. Видимо, здесь следовало бы глубже изучить, как же Кант понимал соотношение отвлеченной идеи добра и добра реального и как это соотносится со сферой политического. Эта тема чрезвычайно актуальна как в концептуальном, так и в практически-политическом смысле.

Отметим, что идеи Канта имеют огромное значение не только для российской ТМО, но и для более четкого определения концептуальной базы внешней политики нашей страны, принципы которой по-прежнему находятся в процессе развития. В связи с этим было бы целесообразно посвятить обсуждению значимости идей Канта для современных политической теории и международной стратегии России специальный раздел книги.

В целом же книга А. Сергунина, давая авторское видение наследия Канта, одновременно побуждает читателя еще раз, уже самостоятельно, обратиться к наследию великого немецкого философа. В приложениях к монографии содержатся биография Канта, обзор его основных публикаций по международной проблематике, а также список работ отечественных и зарубежных ученых, содержащих анализ вклада великого немецкого философа в развитие ТМО (С. 125 – 150), что облегчает дальнейшую ориентацию читателя в изучении научного наследия Канта. Книга будет полезна преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и современным состоянием ТМО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, примечания к трактату Канта о вечном мире: *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. С. 675 – 677; *Глебов А.В.* Вокруг трактата Канта «О вечном мире» // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 173 – 175; *Лазуренко В.Д.* Немецкие мыслители-гуманисты (И. Гердер и И. Кант) о войне и вечном мире // Советское государство и право. 1963. № 10. С. 142 – 146; История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. Т. 3. – М.: ОГИЗ-Политиздат, 1943. С. 123; История философии / под ред. М.А. Дынника и др. Т. 2. – М.: АН СССР, 1957. С. 5; Трактаты о вечном мире / под ред. Ф.В. Константинова. – М., 1963; *Канто А.С.* Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. – М.: Политиздат, 1990; «К вечному миру» И. Канта / подгот. текста и вступ. ст. А.В. Гулыги. – М.: Московский рабочий, 1989; *Андреева И.С.* Вековая мечта человечества (предисловие составителя) // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. – СПб.: Алетей, 2003. С. 5 – 26.

² *Белас Л., Беласова Л.* Философия истории Канта и осмысление глобального мира // I Международная конференция «Геополитика: теория, история, практика». Теоретико-методологические основы геополитики и глобалистики. Вып. 1. – М.: Пространство и время, 2012. С. 46 – 50. – URL: <http://www.space-time.ru/assets/files/konferencia-1.pdf>; *Винокуров Е.Ю.* Вместе с Кантом: Философские основания дискуссии о глобальном политическом устройстве. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2002. – URL: <http://www.vinokurov.info/assets/files/Vinokurov%20Kant%20monograph%20rus%20.pdf>; *Винокуров Е.Ю.* Политическая философия Иммануила Канта в современных философских дискуссиях о мировом политическом устройстве. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2002.

³ О дискуссиях на эту тему в современной ТМО см.: *Коньшев В.Н.* Война как средство политики: современные американские подходы // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 110 – 119.

⁴ *Сергунин А.А.* Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис (Политические исследования). 2005. № 6. С. 126 – 137.

⁵ О проблеме «негативного» и «позитивного» определений понятий мира и безопасности см.: *Сергунин А.А.* Концепт «военная безопасность» и эволюция военно-политического мышления постсоветской России // *НВ: Национальная безопасность.* 2012. № 2. С. 119 – 140.

⁶ *Саликов А.Н.* Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира // Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 42 – 49.

⁷ См. подробнее о концепции «публичной дипломатии» США: *Кубышкин А.И., Орешкин Р.В.* Международной правовой статус «гуманитарной интервенции» в современных международных отношениях // Объединенный научный журнал. 2005. № 1. С. 13; *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. Т. 251. № 12. С. 87 – 95; *Рыхтик М.И.* Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 203 – 219.